

АФРИКАНЦЫ В МОСКВЕ.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

В настоящее время нет оснований полагать, что в России, в частности в Москве, складывается единая «африканская диаспора». Здесь наблюдается довольно слабая тенденция к формированию из нескольких внутренне неоднородных общин мигрантов из одной страны национальных диаспор. Они почти не ощущают панафриканского единства, которое может проявиться в случаях общей опасности, например, необходимости противостоять акциям расистов.

МОСКВА И ЧЕРНЫЕ МОСКВИЧИ

Разумеется, трудно ожидать, что африканцы будут объединяться на панконтинентальном уровне, поскольку они не представляют одну этническую группу или даже страну происхождения. Но со стороны они воспринимаются и, вероятно, всегда будут восприниматься как «африканцы», т.е. как единая община. Парадоксальным образом такое восприятие большинством «коренных россиян» способно до некоторой степени стимулировать укрепление связей между африканцами-выходцами из разных народов и даже стран¹. То, как африканцы пытаются обеспечить свое существование и даже адаптироваться в России, - это одна сторона медали; ее другая сторона - то, как их воспринимают и принимают окружающие. Большинство африканских мигрантов оценивает самих себя как «частично адаптировавшихся» к новым реалиям. Однако, безусловно, не случайно, что среди мигрантов, считающих себя «хорошо адаптировавшимися» к жизни в Москве, гораздо больше полагающих, что «коренные россияне»

Д.М. БОНДАРЕНКО

Доктор исторических наук

Е.А. ГООГУЕВА

С.Н. СЕРОВ

Е.В. ШАХБАЗЯН

относятся к ним «положительно» или «толерантно». Большинство же мигрантов, убежденных в плохом отношении к ним «коренных россиян», признают себя «плохо адаптировавшимися»².

Одной из главных задач нашего исследования является выявление образов Африки и африканцев в сознании «коренных россиян», исходя из положения о том, что образы других культур оказывают решающее воздействие на отношение к их носителям. В частности, образы Африки и африканцев оказывают прямое и во многом решающее влияние на формирование общественного мнения о мигрантах и практику взаимоотношений с ними.

Роль посредников и регуляторов в отношениях между расовым большинством и иммигрантскими общинами должны выполнять гражданское общество и государство с его политикой в правовой, экономической, культурной, образовательной, информационной и других областях.

Россия (как и прочие постсоциалистические государства) не имеет такого продолжительного, разнообразного и противоречивого опыта взаимодействия с африканцами, как страны Запада, - опыта, который к настоящему времени воплотился там в прочном утверждении диаспорных общин и выработке, по крайней мере, базовых принципов отношения к иммигрантам принимающего общества и государственной иммиграционной политики. «Закрытость» общества в еще не-

давние советские времена, трудности периода постсоциалистических реформ еще более осложнили современную ситуацию. Негативную роль сыграли и национальные СМИ. Если до второй половины 1980-х гг. внедрявшийся ими образ африканцев был неизменно положительным (как народов, борющихся с мировым империализмом и неокOLONиализмом), то начиная с периода Перестройки африканцы представляли в них устойчивыми символами безнадежной дикости и отсталости. Также открыто заявлялось, что, помогая государствам Африки, коммунистический режим выбрасывал деньги на ветер, вместо того, чтобы развивать отношения с «цивилизованным миром» (т.е. с Западом) и поднимать жизненный уровень граждан своей страны³.

В результате сегодня «Россия не знает Африку или делает вид, что не знает, потому что образ Африки в России такой: бедный континент, где живут примитивно в лесу, едят кокосы и бананы и где все болеют СПИДом», как сказал бенинец, проживший в нашей стране 13 лет - с конца 1980-х до начала 2000-х гг. Ныне это восприятие Африки и ее жителей, когда-то внедренное и, к сожалению, до сих пор поддерживаемое многими СМИ, все еще живо в сознании значительной части россиян. Например, оно ярко проявилось в сотнях отзывов в Интернете на заявление президента РФ Д.А.Медведева о том, что Россия окажет помощь африканским странам, сделанное им на саммите «Большой восьмерки» в июне 2008 г.

Другая очень широко распространенная ментальная модель восприятия Африки и африканцев - отношение к ним как к чему-то экзотическому (не случайно в последние годы Африка стала пользоваться большой популяр-

¹ Окончание. Начало см.: «Азия и Африка сегодня», 2009, № 10.

ностью у богатых российских туристов). У тех, в чьем сознании присутствует эта модель, Африка ассоциируется с жарой, бананами, гиппопотамами и т.п. В подобном отношении нет агрессивности, но оно отражает тот факт, что люди еще не готовы воспринимать присутствие африканцев на улицах российских городов как повседневную реальность. Сегодня этот слишком упрощенный и односторонний образ Африки и африканцев активно эксплуатируется отечественными создателями рекламы, мыльных опер и сериалов⁴.

Собранные нами материалы также однозначно свидетельствуют, что молодые россияне, даже их наиболее образованная и информированная часть - столичное студенчество, имеет очень мало знаний об Африке - ее культуре, этнографии, истории, географии... А «дефицит информации приводит к обеднению и искажению образа» Африки и африканцев⁵. Именно в скудости правдивой информации о континенте и его народах большинство наших собеседников-африканцев видит причину расистских акций, совершаемых некоторыми молодыми россиянами. В то же время стоит отметить, что с недавних пор выставки африканского искусства, посвященные Африке фотовыставки превратились в достаточно частое явление культурной жизни Москвы, и в принимающих их залах можно встретить много молодежи. Конечно, главным образом молодежь заполняет и концертные залы, когда в них выступают африканские музыкальные коллективы (приезжающие из Африки, такие как бенинский *Gangbe Brass Band* в мае 2007 г., или же созданные «российскими африканцами», подобно *Sun Music*, *Djembe Africa* и др.).

Однако всего 36% опрошенных российских студентов оказались в состоянии назвать не менее пяти государств Африки южнее Сахары, при том, что 26% не смогли назвать ни одной. Иногда во время беседы становилось ясно, что опрашиваемого ставит в

тупик само словосочетание «Африка южнее Сахары». В ответ на просьбу перечислить известных им выдающихся африканцев некоторые студенты называли африкано-американских джазменов, бразильского футболиста Пеле, топ-модель Наоми Кэмпбелл, других известных людей, связанных с Африкой только цветом кожи, а 57% вообще не смогли вспомнить ни одного имени. Из африканцев же наиболее часто упоминались Нельсон Мандела (14%) и Патрис Лумумба (11%). Только 48% респондентов знали, что не африканские, а европейские языки являются официальными в большинстве стран континента.

НЕУЖЕЛИ МЫ РАСИСТЫ?

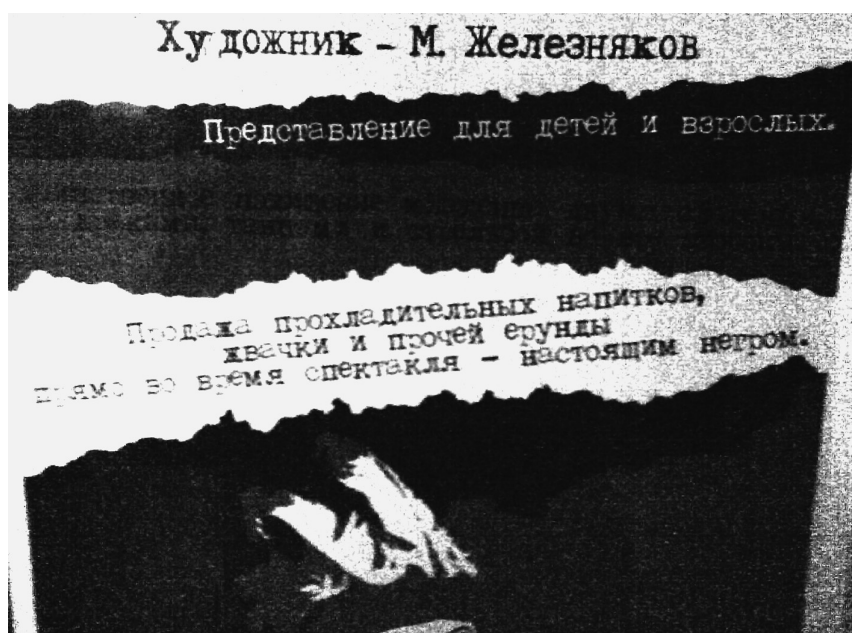
Как и в любом современном обществе⁶, в России есть расисты, «активные» и «пассивные» («имплицитные»). В нашем обществе широко распространено мнение, которое мы считаем ошибочным: что расистов не было в Советском Союзе, а появились они уже в смутные 1990-е гг. фактически *deus ex machina* - из ниоткуда. Но ничто не может выйти из ничего, и, по крайней мере, во времена, когда вера в коммунистическую идеологию в народе угасала - в 1970-е - 1980-е гг., были люди (возможно, их было меньше, чем сегодня), которые, вопреки официальной пропаганде «пролетарского интернационализма», не любили расово «иных», в частности африканцев. Важно же понимать другое: тогда у подобных людей не было возможности действовать и даже заявлять о своих взглядах открыто. Советские власти были в состоянии подавлять все, что не соответствовало официальной идеологии. В любом случае, сегодня благодаря СМИ весь мир, включая Африку, прекрасно осведомлен о жестоких проявлениях расизма, время от времени имеющих место в различных российских городах. В частности, осведомленность о них ostанавливает некоторых африканцев от поездки в нашу страну на

учебу, и в целом такие факты наносят колоссальный ущерб образу России в Африке и во всем мире⁷.

Слова преуспевающего нигерийца, живущего в Москве, очень типичны и выражают мысль, содержащуюся во многих интервью, взятых нами у африканцев и в России, и в странах Африки: «К сожалению, в последнее время в новостях сообщают главным образом об убийствах и нападениях на черных на российских улицах. Соответственно, отношение [к России и россиянам] также меняется». Как результат, образованный молодой человек, у которого мы взяли интервью в Танзании, прямо заявил: «Русские в самом деле расисты, как нацисты». Столь же откровенны и резки в своих высказываниях были и некоторые наши информанты в Бенине: «Большинство русских - расисты»; «У меня сложился негативный образ России: там есть расизм».

Социальные и политические катаклизмы всегда порождают рост интереса к «другому», и российское общество - одно из самых турбулентных в мире на грани XX - XXI вв. - проявило этот интерес во множестве форм, включая весьма болезненные⁸. Тем не менее, по нашему убеждению, подтверждаемому собранным научным материалом, доля расистов (во всяком случае, активных, актуально или потенциально) в российском обществе не больше, чем во многих других. Наше собственное исследование заставляет согласиться с утверждением Е.В.Харитоновой, что «в целом, “московские” африканцы оцениваются без стойкой негативной окраски и не имеют статуса “врага”» в массовом сознании москвичей⁹. Но если это действительно так, то почему расисты столь заметны в сегодняшней России?

Эта проблема имеет два измерения. *Первое* - отношение к расистам со стороны общества. В нем гораздо меньше, чем на Западе граждан, которые, ни в коей мере не являясь расистами сами, были бы готовы выступить против расистов, заявить открыто и

Театральная афиша.

громко, что они не приемлют расизм и что российское общество - не расистское. В этом проявляется недостаточная зрелость гражданского общества в нашей стране - общества, в котором (во всяком случае, в идеале) каждый гражданин ощущает личную причастность ко всему, что в нем происходит, и не перекладывает ответственность за состояние дел и ход событий на государство. Другим отражением того же факта является очень небольшое количество добровольных независимых общественных групп и союзов, имеющих своей целью поддержку мигрантов и утверждение в российском обществе принципов толерантности. Официальные же, якобы общественные, но на самом деле созданные и управляемые государством организации, процветавшие в советское время (Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами), если и продолжают существовать в том или ином виде, под старыми или новыми названиями, по признаниям мигрантов, прибывших еще в СССР, ныне помогают им не столь активно и эффективно, как раньше.

Второе измерение проблемы - борьба государства с расовым (как и этническим, религиозным) экстремизмом. Хотя не так давно подавление экстремизма было провозглашено важной государственной задачей, правовая база для ее решения усилена и несколько громких уголовных дел доведено до суда, мягкие приговоры по некоторым из них, как и открытая, иногда даже легальная деятельность значительного числа правоэкстремистских организаций (например, Движения против нелегальной иммиграции), показывают, что проблемы в этой сфере остаются¹⁰.

Миграционная политика также далека от четкости, а следовательно, и от эффективности. Происходит это, в частности, потому, что и в обществе, и в различных правительственных кругах все еще идут дискуссии о необходимости мигрантов для России, о приоритетности приема представителей тех или иных этнокультурных и профессионально-образовательных групп. Мнения же варьируют от утверждения о желательности переселения в Россию только этнических русских из бывших советских республик до предложений открыть двери в страну настежь. Безусловно, «...в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления»¹¹.

При этом в нашей стране все более и более отчетливо проявляется тенденция, типичная для принимающих мигрантов государств: неквалифицированные, но необходимые государству и обществу работы теряют привлекательность для «коренных россиян», в том числе москвичей. Уже сейчас их нечасто увидишь среди уборщиков улиц и офисов, рабочих на стройках. Зато среди них можно встретить африканцев, хотя они, конечно же, слишком малочисленны, чтобы заполнить эти ниши в той же мере, в какой это делают выходцы из Центральной Азии и ряда других регионов ближнего и дальнего зарубежья.

Привлечение мигрантов - легальных и нелегальных - выгодно и работодателям: им можно платить меньше, иногда намного меньше, чем «коренным россиянам», они несравнимо беззащитнее в социальном и правовом отношении. Это порождает коррупцию, еще более размывающую и без того слабые барьеры, призванные препятствовать нелегальной иммиграции. В то же время, вследствие некоторых официальных установлений и предубежденности части работодателей, мигранту, особенно из бывшего СССР, трудно получить легальную, достойно оплачиваемую и уважаемую в обществе работу. Стоит упомянуть и о нередких случаях крупного и мелкого миллионского произвола в отношении мигрантов, как и о том, что государственные программы социальной адаптации мигрантов и просветительские программы, направленные на утверждение в обществе принципов толерантности, до сих пор находятся в зачаточном состоянии.

Налицо процесс разрастания общины африканских мигрантов в России вообще и в Москве, в частности. Более того, имеются явные предпосылки дальнейшей интенсификации этого процесса.

Однако на данный момент внедрение африканцев в россий-

ское общество сталкивается с трудностями, объяснимыми неподготовленностью к этому многих из них, с одной стороны, и недостаточной готовностью российских общества и государства к их приему, с другой.

Эта проблема, существующая на пересечении национального и глобального, слишком сложна и многогранна, чтобы мы смогли взять на себя смелость предложить исчерпывающий перечень мер по ее решению.

В глобальном масштабе столь прямое соприкосновение «пост-социализма» и «постколониализма» еще более обнажает комплексную и противоречивую природу глобализации и ставит новые вопросы о ее возможных формах и последствиях¹². Глядя на проблему шире, можно сказать, что «теплота» и взаимная плодотворность встречи «пост-социализма» с «постколониализмом» с российской стороны, в конечном счете, зависит от перспектив гражданского общества и демократического государства в нашей стране.

Поэтому в завершение мы не станем давать советов и рекомендаций кому бы то ни было, а дадим читателю возможность услышать еще один «голос из этнографического поля» и вслушаться в него. Это голос ганско-

Реклама в московском метро.

го журналиста, живущего в Москве с советских времен и, подобно всем «российским африканцам», вынужденного сталкиваться с проблемами, о которых мы пишем, в своей повседневной жизни. «История страны пошла в другом направлении после крушения Советского Союза ...Как когда-то Соединенным Штатам потребовалось почти 200 лет, чтобы построить свою демократию, в России тоже понадобится время, чтобы достичь такого высокого уровня демократии, при котором будут обеспечены соблюдение гражданских прав и основных свобод. Одно из лично моих важ-

ных впечатлений о России - то, что это страна контрастов. Но для нас, черных людей, она стала чрезвычайно трудной для жизни и учебы с ростом национализма и расизма. Мы живем в полном и постоянном страхе. Многие из нас теперь думают плохо об этой обширной и могущественной стране из-за нашей маргинализации и острой расовой дискриминации. Грусть или страх должны уступить место всеобщей приязни».

¹ Маноцков А.П. Центральнаяафриканцы в Санкт-Петербурге: культура и поведение // Африка: культура и общество (Исторический аспект). М., 1995. С. 188.

² Гоогуева Е.А. Африканцы в Москве: некоторые проблемы социокультурной адаптации // Африка: история, экономика, политика, культура: Сборник материалов VI Всероссийской школы молодых африканистов. Ярославль, 2007. С. 47-48.

³ Абиодун А.А. Образ Африки в периодической печати по материалам журналов «Современный Восток» и «Азия и Африка сегодня» в 1957-2000 гг. Дис. к.и.н. М., 2005; Quist-Adade C. From Paternalism to Ethnocentrism: Images of Africa in Gorbachev's Russia // Race and Class. L., 2005. Vol. 46, № 4. P. 79-89; Усачева В.В. Восприятие африканцев в России: от интернационализма к политической корректности? // XI конференция африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия». Тезисы. М., 2008. С. 188-189. О конструировании негативного образа любого «другого» в сознании москвичей самой популярной городской газетой см.: Сапрохина Г.И. Образ «другого» в картине мира москвича по материалам газеты «Московский комсомолец» (опыт интент-анализа печатных СМИ) // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. С. 240-262; также см.: Gdaniec C. "Ordinary Young Hooligans" or Moscow Geographies of Fear: Spatial Practices in and around the Peoples' Friendship University of Russia // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Cultural Dimensions. Moscow, 2009. P. 3.

⁴ Гуревич Е.Л. Образ африканца в современной российской массовой культуре // XI конференция африканистов... С. 188.

⁵ Харитонова Е.В. Африканцы в России: социально-психологические аспекты и методы исследования // Россия в Африке и Африка в России. М., 2003. С. 190.

⁶ См., например: Ojo-Ade F. Africans and Racism in the New Millennium // Journal of Black Studies. Philadelphia, 2001. Vol. 32, № 2. P. 184-211; Winant H. The New Politics of Race: Globalism, Difference, Justice. Minneapolis, 2004.

⁷ См.: Бондаренко Д.М. Африка: «советское наследие» в образе России // Азия и Африка сегодня. 2007, № 7.

⁸ См.: Евгеньева Т.В. Культурно-исторические основания формирования образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят... С. 39-57.

⁹ Харитонова Е.В. Африканцы в России... С. 192.

¹⁰ См., например: Gdaniec C. Op. cit.

¹¹ Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. М., 2008, № 2. С. 86.

¹² См., например: Kalb D. Afterword. Globalism and Postsocialist Prospects // Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia. London, 2002. P. 317-334; Yiu-wai C. Postcolonial Discourse in the Age of Globalization // Globalization. Critical Issues. New York; Oxford, 2004. P. 37-48.